

Это энтузіастическое отношеніе къ искусству вызывало въ душѣ Щепкина способность неподдѣльно радоваться сценическимъ успѣхамъ другихъ артистовъ. Хорошо знавшіе Щепкина свидѣтельствуютъ, что онъ „всегда радовался чужому таланту и никогда не желалъ уменьшить его достоинства; когда съ нимъ, бывало, говорили о какомъ-нибудь артистѣ и спрашивали его мнѣнія, онъ дѣлалъ оцѣнку таланта такъ вѣрно и съ такою точностью и удовольствіемъ, будто говорилъ о цѣнности рѣдкихъ монетъ, въ то же время любясь ими“. Появленіе новаго таланта всегда было для Щепкина истиннымъ праздникомъ. „Бывало, репетируетъ какой-нибудь новичокъ,—разсказываетъ режиссеръ Соловьевъ,—придетъ Щепкинъ и слушаетъ, и если замѣтитъ малѣйшій признакъ дарованія, поймаетъ хотя нѣсколько словъ, сказанныхъ съ чувствомъ и увлеченіемъ, то приходитъ въ восторгъ, обнимаетъ новичка, цѣлуетъ, плачетъ, смѣется и съ этой минуты начинаетъ носиться съ нимъ, какъ мать съ ребенкомъ“¹⁾.

Мы знаемъ фактическіе тому примѣры. Щепкинъ далъ русской сценѣ Шумскаго, рано оцѣнивъ въ этомъ юношѣ задатки будущаго большаго артиста; онъ взялъ Шумскаго въ свой домъ, слѣдилъ за его художественнымъ воспитаніемъ, строго выговаривая ему за ошибки и увлеченія въ его первыхъ шагахъ на сценическомъ поприщѣ; это были чисто-отеческіе разности, которые могли быть внушены только великой любовью и къ искусству, и къ самому Шумскому. „Какъ-то разъ,—разсказываетъ очевидецъ,—лишь только Шумскій показался въ домѣ Щепкина, Михаилъ Семеновичъ, не давъ ему опомниться, обрушился на него слѣдующей тирадой:

„— Мерзкая, самолюбивая физіономія! Смазливая бабья рожа для тебя дороже, интереснѣе всего твоего дѣла, дороже истины! Ты какъ долженъ былъ загримироваться? Какъ? Въ уродливомъ тѣлѣ душевная красота. А ты что изображалъ? Скажите, какой купидонъ!

„— Ради Бога, не сердитесь, Михаилъ Семеновичъ.

„— Я давно Михаилъ Семеновичъ, а вотъ ты—Купидоновичъ!

¹⁾ Ibid.